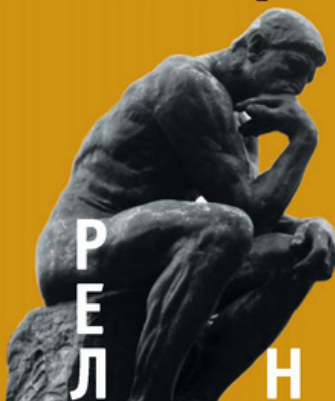

Философия – это интересно!

Серия

Владимир ВАРАВА

Адвокат философии

РЕЛИГИОЗНАЯ
ФИЛОСОФИЯ
НА КУЛЬТУРНО-ИСКУССТВЕННУЮ

Владимир Владимирович Варава

Адвокат философии

Серия «Философия – это интересно!»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8482592
Адвокат философии: Этерна; Москва; 2014
ISBN 978-5-480-00336-9

Аннотация

Особенность этой книги состоит в том, что в ней нет специализированной терминологии и прямых ссылок, цитат и упоминаний различных авторов. В ходе ответов на поставленные вопросы обсуждаются такие проблемы, как сущность философии; отличие философии от науки, религии, искусства; социальная миссия философии в обществе и культуре. Рассматриваются причины современного «упадка философии», которые связываются с тем, что философия подменяется иными формами духовной культуры. Ставится задача раскрыть значимость философии средствами самого языка и через обращение к жизненным ситуациям человека. Книга будет интересна для всех, кто интересуется философской проблематикой, не исключая, однако и тех, кто подвизался на профессиональном философском поприще.

Содержание

Предисловие	5
Вопросы о философии	9
1. Существует ли основной вопрос философии?	9
2. Как философия связана с жизнью?	12
3. Можно ли дать ответ на философский вопрос?	15
4. Как философия бытийствует?	17
5. В чем двуликость философии?	21
6. С чего началась философия?	23
7. Почему несостоятельно выражение «философия – любовь к мудрости»?	24
8. Что значит неведомый Бог философов?	26
9. В какой мере философия зависит от языка?	29
10. Почему язык есть препятствие для философии, а философия есть борьба с языком?	31
11. О чем говорит философское вопрошание?	33
12. Из вопрошающей сущности философии возможно ли понять истину жизни?	36
13. Что мы делаем, когда философствуем?	37
14. Связана ли смерть с философией?	39
15. Существует ли истинное понимание	42

смерти?

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Владимир Владимирович Варава Адвокат философии

Предисловие

Когда современный человек видит или слышит слово «философия», у него возникают весьма разнообразные и, как правило, неадекватные образы и представления. Это касается и любителей, и «профессионалов». Философия теперь мыслится всего лишь как одна из форм культуры и воспринимается как предмет исключительно частного интереса и личной склонности. И это в лучшем случае. Говорить о каких-либо универсальных всечеловеческих измерениях философии уже невозможно, как невозможно говорить о влиянии философии на общественную и культурную жизнь. Только в качестве академической философия сегодня имеет хоть какую-то социальную и культурную легитимность. Академическая философия стала одним из проектов гуманитарной науки, но проектом, нужно сказать, не самым призывным и не самым интересным. А главное – не улавливающим существо того явления, которое в метафизических глубинах души по-прежнему вызывает восторг и благогове-

ние. Роль философии в академическом пространстве, увы, уменьшилась, что позволило некоторым интеллектуалам говорить о «смерти философии». Конечно, в современной череде смертей, среди которых смерть Бога, смерть Автора, смерть Человека и т. д., смерть Философии не выглядит как-то особенно катастрофично.

Считается, что культура вступает в новую фазу своего бытия, сопровождающуюся отмиранием прежних институтов, принципов и ценностей, среди которых философия с ее притязаниями на истину выглядит как наиболее зловещее образование, явно враждебное установкам медийной культуры. А установка здесь одна – удержать человека в коконе бессмысленного существования как нормы, так и не дав родиться ничему существенному. Многообразие возможностей такой культуры оборачивается на деле пустотой, поскольку философия, как главная инстанция смыслообразования, оказывается не работающей. Стенать по этому поводу бесполезно, но говорить об этом надо.

Власть медиа настолько сильна, что создает угрозу превратить жизнь в бессмыслицу. В этой ситуации вся надежда только на философию, которая очевидно нуждается в защите. В защите от непонимания, которое рождает скуку и пренебрежение. В защите от тех, кто профанирует философию. Но и в защите для тех, кто ищет философии и только философии. Цинизм культуры не должен пугать истинных рыцарей философии. Конечно, сами философы во мно-

гом виноваты в том, что положение философии стало шатким и неопределенным, а порой и смехотворным. Официальная философия (и досоветская, и советская, и постсоветская) демонстрировала и демонстрирует по преимуществу наукообразную форму философии, которая убивает всякое живое движение мысли. Пожалуй, наукообразие (хотя бы и в одеждах религии) – самый страшный враг философии. Поэтому вопрос о новых формах и типах философствования давно стоит на повестке дня. Но именно философствования, а не подмены философии одним из существующих «дискурсов культуры». Представленный текст выполнен в форме вопросов и ответов (лучше – только вопросов). Это требует некоторых пояснений. Дело в том, что в философии каждый ответ рождает новый вопрос. Такова «логика и структура философского знания», если выразиться стандартным языком. По-иному можно сказать, что философия существует по преимуществу в форме *вопрошаний*, в форме *вечных вопрошаний*. Ответы (*конечные* ответы) дают все остальные области «духовной культуры». Дело философии – спрашивать, пробуждая нравственную и интеллектуальную совесть живущих, не позволяя им окончательно впасть в спячку, которую провоцирует утвердительная убедительность разных ответов. Истина вопросов – вот истина философии. И потому разговор о ней должен быть построен преимущественно в форме философских вопросов.

Но может возникнуть закономерный вопрос: «А нуждается-

ся ли вообще философия в оправдании и обосновании?»; то есть: «Нуждается ли философия в защите?» Действительно, *кто* может претендовать на то, чтобы выступить в роли *адвоката философии*? Чья это вообще забота – философия?...

Так нуждается ли сегодня в защите философия? Вопросов может быть гораздо больше – или меньше; главное, чтобы они были.

Вопросы о философии

1. Существует ли основной вопрос философии?

С этого вопроса, собственно говоря, и нужно начать, ответив, что основной вопрос философии, конечно, существует и что это есть *вопрос о самой философии*. Мы так отвыкли от серьезного, что уже считаем нахождение главного в какой-то сфере, в том числе и в философии, нарушением некой негласной политкорректности. Если мы основным вопросом философии полагаем вопрос о самой философии, то тем самым не провозглашаем никакую замкнутость, элитарность и отстраненность философии; в этом нет вообще никакой кастовой, то есть профессиональной, изоляции. Это поистине *всеобщий вопрос*, касающийся всех и каждого, но который в силу определенных причин стал маргинальным, незначимым, несущественным. Действительно, сегодня мало кого волнует основной вопрос философии и даже судьба самой философии (что не значит, что с этим можно и должно мириться). Такое вопиюще абсурдное положение вещей говорит лишь об одном: о крайнем обмельчании и оскудении современных людей (и философов в том числе). Конечно,

наивно и утопично полагать, что философия может стать общим делом. Но современное забвение и дискредитация философии поистине нестерпимы и несовместимы с достоинством человека. Ситуация в культуре складывалась в последние несколько столетий таким образом, что основной вопрос философии представал в виде *вопроса о первичности* — «первичности бытия» или «первичности сознания». Вопрос о «первичности» является в действительности вторичным вопросом, то есть вовсе не является философским вопросом; как будто вопрос о *бытии бытия* или о *бытии сознания* был решен или хотя бы поставлен! Постановкой о «первичности» были дискредитированы и основной вопрос философии, и сама философия, которая стала восприниматься массовым общественным сознанием, в том числе сознанием творческим и не чуждым образованности, в качестве смертельно скучной наукообразной штуки, представляющей интерес и какую-то особую значимость лишь для «ненормальных» профессоров и заумных чудаков. Основной вопрос философии, претендующий на основность и серьезность, звучит так: *почему люди философствуют?* Как возможна философия? Что есть собственно философия? Основной вопрос философии, будучи исключительно философским вопросом, в то же время есть основной *жизненный вопрос*, поскольку жизнь организована таким образом, что в ней главным действующим лицом является не просто человек, но *человек философствующий*. Недооценка этого свойства при-

водит к искаженным представлениям о жизни, порождающим то, что принято называть «ложным сознанием» в его различных видах. Концентрация внимания на основном вопросе философии, в центре которого – *вопрос о человеке философствующем*, должна способствовать раскрытию иллюзорности и неподлинности ложного сознания и основанных на нем представлений о жизни, питающихся отбросами того мышления, которое давно покинула философия. Все это должно продвигать к *истинной жизни* – единственно возможному человеческому прогрессу; ее достижению способствует правильно поставленный основной вопрос философии.

2. Как философия связана с жизнью?

Поскольку основной вопрос философии есть жизненный вопрос (в плане того, что жизнь организуется философствующим «субъектом жизни», то есть человеком), то необходимо прояснять всегда возникающий вопрос о том, как связаны и связаны ли жизнь и философия? Здесь сразу же возникает опасность неверной трактовки связи жизни и философии, проявляющейся в постановке, например, таких вопросов: насколько жизнь философична, а философия жизненна или, наоборот, насколько нефилософична жизнь, а философия безжизненна.

Все это в свете основного вопроса философии, который есть вопрос о самой философии, неважно. Совершенно неважно, как соположить жизнь и философию, потому что можно бесконечно размышлять о жизненности или нежизненности философии или философичности или нефилософичности жизни, и это нас никоим образом не приблизит к пониманию ни жизни, ни философии. Жизнь, конечно, сильнее философии в том плане, что можно жить, не философствуя, но нельзя философствовать, не живя. Осознание того, что жизнь без философии вовсе и не жизнь, приходит слишком поздно и не ко всем, поскольку «жизненные» заботы умело отвлекают человека от главного, уводя в несущественное под видом жизненно необходимого. Враждебные

по отношению к философии люди упрекают философию в «нежизненности», а слишком увлеченные философской стихией во всех жизненных проявлениях склонны видеть только философию.

Главное здесь понять, что вопрос о философии есть основной вопрос философии, и в этом смысле он же есть основной вопрос жизни, поскольку жизнь творится, осмысляется и постигается тем, кто способен философствовать. Основной вопрос философии есть поэтому *основной вопрос человека*, поскольку в своем философствовании человек попадает под собственное вопрошание. Это тот вопрос, который задает человек самому себе на вершинах своего духа и на пределе своей искренности. Неверно упрекать философию в отрыве от жизни, поскольку философия является *высшей формой жизни* (что, конечно, не отрицает иные формы жизни, но, по крайней мере, их не оправдывает и тем более не возвышает). Философия строга в этом плане, и ее надменность проистекает из той жизненной ситуации, в которой находится человек. Более того: философ преодолевает *дуализм жизни и философии* тем, что полагает саму философию предельным случаем жизни. И вопрос о *смысле жизни* есть вопрос о *смысле философии*. Поиск смысла жизни в самой жизни или *за пределами жизни* бессмыслен, поскольку жизнь и смысл сущностно внеположены друг другу. И если уж спрашивать о смысле жизни человека, то нужно спрашивать: в чем *смысл жизни умерших*? Но это уже за гранью

всякой логики и этики. Нужно искать не «смысла жизни» и смысла нужно искать не в «жизни», но в философии, которая по-своему, «по-философски» ставит этот вопрос, в самой постановке которого проявляется *человеческое и только человеческое*.

3. Можно ли дать ответ на философский вопрос?

Особенность философского вопроса в том, что он существует не для того, чтобы на него давать ответ, и тем более «правильный». В философии каждый ответ – это новый вопрос. Взгляд, согласно которому можно дать ответ на философский вопрос, значительно сужает философский горизонт, превращая философию в шараду или головоломку, которую, предполагается, можно разрешить логически правильным ходом мысли. Все дело в том, что философские вопросы – это вопросы только по форме, по привычной *грамматической форме*; то есть *лингвистически* философские вопросы – это вопросы, грамматические вопросы языка, на которые, согласно всем нормам этого языка и мышления, должен быть дан ответ. Что не имеет ответа – не имеет права на спрашивание и задавание. Но «философские вопросы» – это вовсе *не вопросы*, а *вопрошания*, то есть бытийные сентенции, в «темном» просвете которых возникает все то, что не понимает разум, не чувствует чувство, но то, что наполняет, удерживая в пребывании. Философские вопросы-вопрошания поэтому держат. Это и есть держание истины, держание истиной. И в этом смысле пытаться отвечать на философские вопросы, как это всегда имеет место в других областях культуры, значит опускать жизнь в «духовные низины»,

если вообще не подрывать ее основы. Вот почему вопрос о *подлинной жизни* – это исконный философский вопрос, возникающий как ответ на нефилософский вызов *ответов*, которыми так бессодержательно полна человеческая культура. Смысл философии в том, чтобы держать накал философских вопросов, не давая им ослабеть или вовсе пропасть в ответах жизни и культуры.

4. Как философия бытийствует?

Поскольку философия по своему существу самая непри-
нуждаемая и невынуждаемая форма человеческого духа, чья
беспредметность равна творческой и нравственной дерз-
ости философствующего, то всегда оказывается чрезвычайно
трудно определить *строгую сферу философии*, выявить ее
этос, который был бы равен ей самой и не сводился бы к
чему-то другому – нефилософскому, околофилософскому,
псевдофилософскому. «Официальная» (культурно-кано-
низированная) история философии – это как раз история по
преимуществу псевдо– и околофилософии. Но *дух филосо-*
фии воистину дышит как хочет. Это создает всегдашнее на-
пряжение внутри философского сообщества по поводу на-
хождения «чистой» философии, отделения философии от
не-философии. Собственно, существующая история фило-
софии по большей части этим как раз и занята. Если давать
детальное описание того, как представлена философия в че-
ловеческой истории, то получится долгая и запутанная исто-
рия, с бесконечным размыванием жанровых границ и пере-
ходом из одного культурного ареала в другой. В конечном
итоге философией окажется либо вообще *все*, либо *ничего*.
Такая странная ситуация говорит не о дисциплинарной сла-
бости философии; она свидетельствует о *странном положе-*
нии человека в мире: он может вынести свое бытие лишь с

помощью философии. Понять, что философствование есть основной способ человеческого бытия, говорящий о *человеческом* наиболее внятно, честно и непредвзято, может только настоящий профессионал от философии. Философия может быть *сознательной* (как в случае профессиональной философии) или *бессознательной* (как во всех остальных случаях), но именно философия способствует протеканию человеческой жизни в наличных условиях. В жизни нельзя не быть философом; человек заключает определенную «метафизическую сделку» посредством философии, поэтому он существует во всем диапазоне своих проявлений. И бытийствование философии так же многообразно и разнообразно, как многообразны и разнообразны состояния человеческого духа. Но есть все же некий, при всей условности и относительности, *канон философии*, задающий определенные инвариантные темы, положения и конструкции, в которых философия получает наиболее адекватное бытийствование. Ядро этого канона – *само философствование*, в процессе которого происходит *немыслимое*, посредством чего все мыслимое получает легитимность. Это ядро невозможно полностью рационально и вербально эксплицировать, поскольку в нем задействованы предельные состояния человека: удивление, отрешенность, ужас, отчаяние, вопрошание... Но при всей неопределимости ядра философии сама философия проявляется в формулировании *онтологических положений о мире*. Таково требование мира, которое филосо-

фия нарушить не может; она всегда формулирует положения о мире, что, безусловно, сужает диапазон «чистой философии». По этой причине она всегда так или иначе располагается на иных территориях, с безусловной потерей своей автономности. В мире существует по преимуществу *культурно-эксплицированная философия*, которая предстает в таких наиболее распространенных формах, как *религиозная философия* и *научная философия*. В них используется *лишь техника философского мышления* для достижения внефилософских целей (в одном случае религиозных, в другом – научных). При этом нельзя сказать, что онтологические положения не формулируются в научной и религиозной философии; они, конечно, имеют место и в них, но подчинены иным целям. Сильнее, глубже и оригинальнее, нежели в науке и религии, философия проявляет себя в *искусстве*, однако, в отличие от устоявшихся определений «религиозная философия» и «научная философия», определения «художественная философия» не существует. При этом онтологические положения с большей степенью свободы могут формулироваться вербально (в литературе) и даже невербально (в музыке и живописи), что отнюдь не ставит знака равенства между философией и литературой, философией и музыкой (как, естественно, нет его и между философией и наукой, философией и религией). Введение искусства в сферу философии приводит к разделению философии на *академическую* (научную и религиозную) и *вольную* (эссеистскую, основан-

ную на художественном творчестве, а не на научной эпистемологии). Это дает возможность «отщепить» еще один слой философии; его можно назвать *жизтийным* (не путать с «жизтейским», то есть с обыденными рассуждениями профанов), в котором философствование происходит не словом и мыслью, не каким-либо иным невербальным эстетическим жестом, но поступком и самой жизнью. Такой вид философии можно было бы определить как *нравственную философию*, если бы это словосочетание не было основательно «испорчено» в недрах академической философии, где ему предписан строгий методологический статус, совпадающий с дисциплинарным пространством этики. Все это невероятно проблематизирует существующий философский дискурс в поисках *истинной* философии, осложняя и запутывая ситуацию, но в то же время способствуя более глубокому постижению основ философии и человеческого бытия.

5. В чем двуликость философии?

Философия всегда предстает в двух ипостасях. С одной стороны, это – традиционно наиболее утонченная и филигранная умственная деятельность некоторых избранных, количество которых несравнимо мало по сравнению с «обывателями», на бесконечность отдаленными от этой деятельности и не имеющими ни малейшего представления о том, что такое философия и чем она занимается. Такое рафинированное представление о философии глубоко укоренено и широко распространено в истории, обществе, культуре, да и в самой философии. С другой стороны, элитарность философии, вполне правомерная, не исчерпывает всей ее полноты и перестает работать, когда философия раскрывает другую свою ипостась – предстает как *философствование*, то есть как вопрошание о самых сокровенных для человека вещах, без чего он не может быть человеком. Это универсальное свойство философии включает в ряды философов все человечество до последнего его представителя, поскольку такое размышление – не «умствование» одиночек, а насущная потребность всех. Этот *универсализм философии* обнаруживается только у нее; ничего подобного нельзя сказать ни о религии, ни о науке, ни об искусстве: их творцы и высшие представители (ученые, жрецы и художники, то есть «профессиональная каста») существенно отличаются от адептов и про-

стых потребителей «продуктов» религии, науки и искусства. В философии как философствовании ситуация принципиально иная. Здесь «профессионалы» не имеют привилегий перед простым человеком; последнего нельзя назвать дилетантом, поскольку для него философствование и есть его жизненный «профессионализм» *быть человеком.*

6. С чего началась философия?

Что было в начале: философ задумался, а потом удивился или сначала удивился, а потом задумался? В любом случае удивление всегда значимее как наиболее глубокое проявление человеческого существа. И совершенно бессмысленно и бесполезно для понимания сущности философии думать о ее «историческом начале», гадать о том, был ли период, когда философии *еще* не было, была ли *предфилософия*, произошла ли философия из мифа, обыденного языка или еще из какой-нибудь иной нефилософской стихии. Это все предмет для теоретических изысков, мало имеющих отношение к человеку в его бытийной связи с философией. Философия была всегда; она существует столько, сколько существует человек, поскольку это – основной способ его бытия как человека. Человек существует посредством философского укоренения в сущем, осознает он это или нет. А спрашивать, сколько существует человек, значит вообще не понимать человека.

7. Почему несостоятельно выражение «философия – любовь к мудрости»?

Как иногда может подводить перевод, даже правильный лингвистически, то есть научно верный перевод! Убеждение в том, что философия есть любовь к мудрости, разделяют абсолютное большинство людей, так или иначе соприкасавшихся с философией или, по крайней мере, слышавших такое слово. Это самый удобный, безопасный и бесполезный способ понимания философии. Взгляд на философию как на любовь к мудрости является в высшей и худшей степени дилетантским воззрением, исходящим из поверхностных представлений о том, что такое философия. Здесь искажение прямо пропорционально непониманию и, более того, коллективному умопомрачению. Придерживающиеся такого воззрения априори убеждены в том, что мудрость – высшее свойство человека, а мудрец – высший и исключительный человек. При таком воззрении философу уделяется служебная и вторичная роль быть всего лишь любителем мудрости, наподобие любителя хорошего вина или изысканных произведений искусств. При достижении мудрости нужда в философии отпадает, потому что мудрец – не философ: он мудрец, в нем философия прекращает свой поиск, поскольку цель достигнута. Если же философия так и не достигает этой цели и остается лишь на положении любви к мудрости,

ее ценность как неудачного дела падает. Но тогда вряд ли кто-то занимался бы столь безнадежным делом всерьез.

8. Что значит неведомый Бог философов?

Вопрос о Боге – не только религиозный вопрос. Еще предстоит выяснить, как произошло, что именно религия сделалась официальным «департаментом культуры» по «делам Бога». В любом случае необходим минимальный исторический экскурс, чтобы прояснить самоочевидное. Христианству присуще умаление значимости античных философов и в то же время их некоторое возвышение. Философы в глазах христиан не просто язычники, это – «детоводители ко Христу», «христиане до Христа», которые, несмотря на то что жили в «темные» времена, были частично просвещены светом «Божественной истины». Современники считали античных философов «атеистами», поскольку последние отрицали реальных богов, видели в их «атеизме» нечестие, отход от «культа предков» и нежелание почитать «народные святыни». Но христиане считают, что это отрицание связано как раз с тем, что философы, зная «неведомого Бога», уже не могли в полной мере поклоняться ложным языческим богам. Такова стандартная апологетическая схема, вписывающая дохристианскую философию в более широкий христианский культурный контекст. Но суть в том, что философы вообще не поклоняются никаким богам – ни «ложным», ни «истинным». Не поклоняются они, как того хоте-

ли бы гуманисты, и человеку. «Неведомый Бог» философов неведом религии вообще: ни христианской, ни языческой, ни атеистической. Бог философов – Бог Бытия, то есть Тайна Бытия. Это особый, *принципиально нерелигиозный* тип мировосприятия, в котором нет «выделенного» места «божественному» как такому высшему началу мироздания, которое являлось бы моноисточником всего сущего, на основании чего сущее делится на «духовное» (невидимое, божественное, «мир идей») и «материальное» (небожественное, видимое, «мир вещей»). *Дуализм*, объясняющий *неизвестный* мир, не имеет к философии прямого отношения. Он, можно сказать, контрабандой проник в философию под *маской идеализма* (вернее, аскетического идеализма, питаемого изначально жаждой *антропологического раскола*). «Тело – гроб души» – такова максима аскетизма, порождающего дуализм мира идей и мира вещей, положенный в основание христианской метафизики, вне которого она не могла бы состояться. Тот же дуализм послужил науке, став ее «методологией». Это та точка, где христианство и наука слились в едином порыве – познать *невидимое*. Но *Неведомое* философии не равно *Невидимому* религии и науки; философия хранит тайну неведомого мира. «Неведомый Бог» философов чужд всякого дуализма; он *ведает только неведомое*, он знает только тайну бытия, в свете которой невозможны никакое объяснение бытия, никакая вера и никакое знание, но возможно лишь единственно верное чувство по отношению к

неведомому миру – *удивление*. Здесь философское совпадает с истинно человеческим; удивление перед тайной Бытия и есть то мирочувствие и мироощущение, на основании которого любой человек может прийти к философии, если он «правильно» мыслит и чувствует и при этом честен перед собой.

9. В какой мере философия зависит от языка?

Тема языка — достаточно модная тема в философии. Недавно попав в нее, она наделала там много шума и суеты, извратив образ философии, которая стала восприниматься еще менее адекватно. Еще неизвестно, что больше причинило вреда философии: закрытие философских школ или «лингвистический поворот». Но «попадание» языка в философию не случайно. Философия есть во многом *поиск философии*, и потому — *поиск языка философии*. Что есть подлинный язык философии? И есть ли он? Все имеют свой язык, который ни с чем нельзя спутать. Богословский текст отличается от художественного, и оба, в свою очередь, отличаются от научного. Бывают пограничные (междисциплинарные) зоны и некие «синтетические» построения. Однако, как правило, они неудачны и не имеют особого значения в культурном развитии. Чистота стиля является залогом культурного прогресса, если таковой вообще существует. Только чистый язык религии смог создать религию как мощнейший социальный институт и великую духовную силу; только чистый язык искусства создает мир искусства, художественную власть над миром; и только чистый, беспримесный язык науки создает науку, которая приобретает уже лидирующее положение в самой жизни. И только философия не имеет свое-

го чистого «стопроцентного» философского языка, который можно было бы просто показать, ничего не доказывая. Философия часто дрейфует то в сторону науки (и тогда возникает иллюзия «научной философии»), то в сторону религии (и тогда появляется миф о «религиозной философии»), то в сторону искусства в его различных формах. Искусство – более уместное обиталище для философии. Однако оно всегда побеждает: эстетика изгоняет этику, такова печальная судьба философии в искусстве. Искусство также стремится к чистоте и всегда жертвует «философской глубиной» ради художественного изящества. Определить же философский язык, тем более как *вербальный язык*, не представляется никакой возможности. Его нет, есть только *дух философии*, который и есть сама философия. Невоплотимый ни в один из языков философский дух воплощается в саму философию, в ее имя. И только. Этого достаточно, чтобы философия, не будучи связанной ни с каким особым философским языком, да и вообще с языком как таковым, стала единственной реальной силой в истории и в самой жизни.

10. Почему язык есть препятствие для философии, а философия есть борьба с языком?

Философия в своем прорыве к истине (безотносительно к тому, как ее понимать: как подчиненную бытию или тождественную бытию) всегда прорывается через множество препятствий, которые возводит язык. Многообразие языков раздробляет мышление, и мышление вместо того, чтобы соответствовать бытию, часто подчиняется языку. *Борьба философии за истину – это борьба с языком.* Язык не позволяет сформулировать ни одну по-настоящему философскую проблему, уводя в глубь бесконечной вереницы иносказаний, интерпретаций и многозначности. Власть языка безгранична. Хитрость его в том, что он стремится перевести значимое в незначимое, абсолютное в относительное, философское в *жизненное*. Ничто так не отдаляет от истины, как эстетическая прелесть языка и его семантическая неисчерпаемость. Есть где разгуляться поэту, лингвисту и герменевтику, но философу в этой компании делать нечего. В том-то и заключается борьба философии с языком. Однако язык может стать «проводником истины», если его воспринимать не как «средство коммуникации», а по крайней мере как «дом бытия». Это другой, «нелингвистический», язык – язык са-

мой философии, в котором истина бытия обретает свое бытие. Эту динамику высших сущностей улавливает философия, понимает ее и потому сохраняет. *Язык философии – сама философия*; по сути, она является метаязыком для наличного языка, то есть языка, в котором в силу его бесконечных несовершенств (или совершенств, что в данном случае одно и то же) происходит забвение бытия. Наличный язык непригоден для философии; наличный язык приспособлен более всего для литературы, поскольку в ней искаженная истина бытия приобретает эстетически приемлемый вид. Поэтому часто философия делает рывок в сторону молчания как наиболее верного способа заклания языка. Только нужно понимать, что философское молчание не равно религиозному безмолвию и научному косноязычию. Философское стремление к истине всегда наталкивается на языковое препятствие, которое есть и соблазн, и безумие и преодолеть которое значит встать на путь философии.

11. О чем говорит философское вопрошание?

О чем оно только не говорит! И все же философское вопрошание имеет свою строго очерченную «интенциональную структуру», что, однако, не делает философию «строгим знанием». Эта структура совершенно очевидно отличает философское вопрошание от научного познания, религиозной веры и творческого вдохновения. Вот только для чего и нужно говорить о строгой форме философского вопрошания. В чем же существо отличия? Раскрывая структуру философского вопрошания, мы сталкиваемся со странным парадоксом: истинное философское вопрошание свидетельствует о *бесполезности* истинного философского вопрошания. Чтобы не попасть в «порочный круг» логики и не стать жертвой обывателя, который обрадуется, услышав о бесполезности философии, и в очередной раз упрекнет философию в ненужности, следует прояснить, что означает «бесполезность» в данном случае. Ведь существует давний налет презрения, покрывающий философию как нечто совершенно ненужное, нежизненное и бесполезное. Бесполезность в философском плане понимается, конечно, не в узкоутилитарном смысле, но в смысле высших интонаций человеческой мысли, поскольку философия есть предельная мыслительная деятельность из всех существующих. Что же откры-

вается в результате мышления на *пределе возможного*? Что это: вопрошание *ни о чем, ни у кого и ни зачем*? Зачем нужно философское вопрошание? Принесло ли оно какую-либо пользу человечеству? Нисколько. Зачем же тогда это никому не нужное философское вопрошание? Ни зачем. Спрашивать о том, зачем философское вопрошание, все равно что спрашивать о том, *зачем бытие*? Но именно в этом предельность мысли достигает своего мыслимого предела. Действительно, зачем бытие? Зачем быть? В *логике языка* такой вопрос правомерен, но его правомерность указывает на конкретный прагматический смысл; в *логике философии* этот вопрос переступает все границы дозволенного, принятого и понятного. На него можно было бы наложить «апофатический запрет» (наподобие того, как в богословии табуирован вопрос о «смысле бытия Бога»). В том-то и дело, что бытие и, соответственно, философское вопрошание о бытии никому не нужно, ни к чему не ведет, ничего не прибавляет. Это открытие, но открытие особого рода – открытие-потрясение, в котором мы понимаем, что философское вопрошание все же *о чем-то свидетельствует* и на что-то намекает, что в этом странном намеке свершается истина бытия, доступная человеку, делающая человека человеком. Ничего не давая человеку *конкретно*, философское вопрошание дает ему *все*; оно дает ему возможность делать и давать, то есть быть, быть вообще. А *быть* без спрашивания о том, «зачем быть?», человеческому существу невозможно. Вот почему человек нико-

гда не сможет обойтись без философского вопрошания. Он может обойтись без всего, пожертвовать всем, но вот отказаться от философского вопрошания – не в силах, ибо он – человек. В самых потаенных и бессознательных глубинах его души свершается работа философского вопрошания. У одних она свершается радостно и непринужденно, у других – надрывно и тяжело, но свершается у всех, кто называет себя людьми. И пока человек остается человеком, он будет непрестанно вопрошать. За миг до окончания жизни свершается вся полнота философского вопрошания – полнота заката и удушающего отчаяния. Вот это и есть «хлеб наш насущный», это и есть всё. *Потому что есть философское вопрошание, им и жив человек.*

12. Из вопрошающей сущности философии возможно ли понять истину жизни?

Да, возможно; из чего же еще ее понимать? Пусть это звучит как максима, но вопрошающая сущность философии есть единственная возможность понять, осмыслить, принять и оправдать наше существование. Если мы, конечно, хотим понимания *истинного*, то есть искреннего, честного и правдивого. Чем бы это нам ни угрожало. Если не хотим и дальше пребывать в иллюзии. Отказ от философского вопрошания всегда порождает чудовищ.

13. Что мы делаем, когда философствуем?

Философствование нужно рассматривать как *предел философии*. Когда мы философствуем, то нельзя сказать точно, что мы делаем. Можно определить это через отрицание: когда мы философствуем, мы точно *не* – не познаем, не объясняем, не рефлекслируем, не трансцендируем, не медитируем, не созерцаем, не молимся, не изменяем, не критикуем. Когда мы философствуем, мы лишь философствуем, и все. Это предел делимости, за которым следует «натуралистическая ошибка». Философия есть философствование, и когда мы философствуем, мы ничего другого не делаем, кроме того что философствуем. Вот такая странная тавтология. Это не уход от ответа, это не «пустота» философии – это ее сущность. Объяснить, что такое философствование как таковое, значит свести философию к не-философии. Так и поступают чаще всего: воспринимают философию как деятельность познания, созерцания, понимания и проч. Можно сказать, с чего началась философия. С удивления. Но сверх того, что в философствовании мы лишь философствуем, мы более ничего сказать не можем. В чем заключена сущность смеха помимо «смеяния», а сущность плача помимо «плакания», сущность познания помимо «познавания»? Ни в чем. Все это неразложимые, предельные основания, за которыми не

следует ровным счетом ничего. *Философствование* для философии и является таким предельным и неразложимым основанием. В философствовании происходит философствование. Кто на это способен, тот знает, о чем идет речь.

14. Связана ли смерть с философией?

Философия так много, глубоко и оригинально размышляет о смерти, что за последней утвердилась репутация быть неизменной спутницей философии. Однако на чаше весов абсолюта возникает дилемма: что важнее – *вопрос о бытии* или *вопрос о смерти*? Она возникает неспроста, поскольку есть сомнение в том, насколько *вопрос о смерти* является в строгом смысле философским вопросом. Возможно ли философское вопрошание о смерти? Входит ли вопрос *о связи смерти и бытия* в самый нерв философского вопрошания? Не происходит ли здесь какой-то подмены? Человеку как мыслящему и чувствующему существу свойственно размышлять о смерти, что он и делает в той или иной мере практически каждый день. Однако философская ценность такого ежедневного размышления о смерти сильно преувеличена, поскольку это по большей части *вынужденное спрашивание*, вызванное физиологическим испугом, моральным дискомфортом, психологическим желанием если не избавиться от самой смерти, то, по крайней мере, уйти от «гнетущих мыслей» о ней. Неотступность смерти безжалостно истребляет всякую прочность и стабильность; вновь и вновь возникающая смерть или надвигающаяся ее тень невольно возбуждают вопрос о смерти, оставляемый обыденным сознанием не просто нерешенным, а «плохо» нерешенным. В ко-

нечном итоге обыденное сознание трансформируется в традицию, которая предлагает *ритуал умирания и смерти*, в котором далеко не все *сердечно*, но зато все *понятно*. Ритуал равнодушен к страданиям и переживаниям отдельного человека, и тот, чувствуя его неподлинность и лицемерие, всегда стремится выйти за границы традиции – и приходит к философии. А что же философия? Не учит ли она как-то *особенно* относиться *именно* к смерти? И не отличает ли истинно философский взгляд на вещи собственное «философское» отношение к смерти? Можно с уверенностью сказать, вспомнив лишь вершинные философские произведения, что философия учит презирать смерть, не бояться смерти, возвышаться над смертью, не замечать и не принимать ее, в конце концов. Но возможно, что именно здесь происходит тонкая и незаметная подмена философии религией, поскольку очень часто *философское презрение к смерти* превращается в *духовное желание избавиться от смерти*, оставив неосмысленным сам феномен по существу. Оправдание философии видят в том, что она своими размышлениями готовит почву для религии, которая в принципе может обойтись и без нее. Как правило, так и происходит: философия, подойдя к пределу, сдает свои полномочия религии, отрицая тем самым всяческую самостоятельность. *Непоставленность и нерешенность вопроса о смерти* существенным образом «портит» наличное существование, так и не позволяя восторжествовать ни справедливости, ни свободе, ни

счастью в той мере, в какой бы это соответствовало подлинно человеческим представлениям о жизни. Но как же можно поставить и тем самым решить вопрос о смерти, если он сжигает? Смерть обжигает всякого, кто осмеливается к ней прикоснуться даже мысленно. Смерть просто-напросто убивает, не оставляя ни малейшего шанса никому и ни на что. Возможно, философия именно в этом вопросе, *в вопросе о нерешенности вопроса о смерти*, соприкасается со смертью больше, нежели в «размышлениях о смерти», которые всегда имеют утилитарную цель «правильной» подготовки к смерти.

15. Существует ли истинное понимание смерти?

Необходимо признать, что человечество не имеет, не имело и не будет иметь ни правильного представления о смерти, ни правильного понимания смерти, ни правильно поставленного вопроса о смерти, ни тем более «правильного» ответа. Единственно, к чему пришло человечество в вопросе о смерти, так это к альтернативе: либо смерть – *конец*, и жизнь конечна; либо смерть – *переход*, и жизнь бесконечна. Но это относится к «обыденному» *нефилософскому* человечеству. Что же у самой философии? Если философию полагать главным *делом человека*, делом его *подлинной жизни*, нужно прямо и честно спросить: может ли быть основной заботой человека его «смертное» или «бессмертное» существование? Так ли существенна проблема бессмертия для человека? Не есть ли это сугубое дело верующих и концептуальных атеистов? Смерть может как приводить человека к философии, так и уводить от нее. Часто бывает, что и философ при соприкосновении со смертью перестает быть философом и превращается в обыденного человека, срываясь в область *конкретного знания о смерти*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.